

Московская газета. Москва. 1912. 27 февраля

СРЕДИ СНЪГОВЪ...

Какъ умирала Магдалина Дальская.

Моск. 25
1912, № 177 27 февр.

Въ одномъ изъ театральныхъ помѣщена интересная исповѣдь артистки Ольги Орликъ, на глазахъ которой разыгралась вся тяжелая трагедія послѣднихъ дней, только что скончанной Магдалины Викторовны Дальской. Помѣщена интересная исповѣдь артистки Ольги Орликъ, на глазахъ которой разыгралась вся тяжелая трагедія послѣднихъ дней, только что скончанной Магдалины Викторовны Дальской.

Свои отношения къ Дальской г-жа Орликъ называетъ „напряженно враждебными“. Вражда эта, видимо, не покинула г-жу Орликъ и послѣ смерти Дальской.

Въ якобы сочувственныхъ строкахъ она не жалѣть ставить точекъ надъ і, раскрывая всѣ скобки пережитаго. Но отъ этого исповѣдь врага, особенно женщины врага, становится только ярче и интереснѣе.

Врагъ-мужчина просто клеймить своего противника, врагъ-женщина язвить сквозь слезы сочувствія, кусаетъ—лаская, душить—обнимаетъ.

Вотъ разсказъ г-жи Орликъ.

Умерла Магдалина Дальская. Законченъ послѣдній актъ читинской трагедіи. Она развивалась на лихорадочной почвѣ строительной горячкѣ...

Въ некультурной, самодурной средѣ подрядчиковъ... Одурѣвавъ отъ тоски въ тайгѣ, среди снѣговъ, среди изнемогающихъ рабочихъ, прорывающихся тропу въ

мерзлой почвѣ, подрядчики прѣѣзжали въ Читу отводить душу и показывать свое „ахерство“, такъ, чтобы „звѣнь шелъ по всей линіи“, по ихъ выражению. Магдалина Дальская съ своей удалию и безшабашностью подошла къ настроению этой горячкѣ, какъ мальярійная отрава, вѣѣющаяся въ организмѣ на долгое время. Прѣѣзжали одурѣвши подрядчики, „ахерствовали“ во-всю и затѣгивали Дальскую въ непрѣрывные кутежи.

Образовались лагери, которые по очереди, „дѣлали чахотку“ мнѣ или Дальской, начиная съ такого рода характерного самодурства:

Въ гостиницѣ, гдѣ мы жили съ Дальской, помѣщался ресторансъ, гдѣ столь были установлены цѣѣющими гіацінтами; я, или Дальская выражали желаніе получить розовый цѣѣтокъ, а не бѣлый. Подѣвали метрѣ-д'отеля и предлагали 100 рублей бумажку въ награду, если онъ срѣжетъ цѣѣтокъ именно на томъ столѣ, гдѣ сидѣла я или Дальская, для того, чтобы вызвать какъ можно больше шумихи, а то и маленький скандалъ для циркуляціи крови.

Жаждка „дѣлать чахотку“ росла крѣпѣдо и иногда доходила до лихорадочнаго напряженія и за кулисами, что отражалось, конечно, на дѣлѣ, и порождало не мало побочныхъ драмъ. Послѣднімъ побужденіемъ сдѣлать самую же стоку чахотку явилась антре-приза Дальской съ цѣѣлью показать руки къ сердцу. Я не подозревала, что рука была про-

стрѣлена. Черезъ нѣсколько минутъ по коридору быстро прошелъ Бартеневъ въ пальто и шляпѣ и постучалъ въ номеръ Дальской. На минуту онъ нѣсколько тревожно оглянулся на насъ. Актриса, стоявшая со мной, засмѣялась и сказала:

— Ну, теперь опять пойдетъ примиреніе.

Я простила съ ней и пошла къ себѣ въ номеръ, такъ какъ было уже 12-я часъ ночи. Не успѣла я дойти до конца коридора, какъ услышала безумный крикъ. Я замерла на мѣстѣ. Черезъ минуту актриса, стоявшая раньше со мной, вѣѣжала въ номеръ къ Дальской, затѣмъ выскочила оттуда и крикнула мнѣ:

— Дальская убила Бартеневу наполовину въ высокъ.

Мнѣ сдѣлалось дурно, и я прислонилась къ двери.

На минуту наступила зловѣщая тишина. Всѣ кругомъ притаились въ своихъ номерахъ. Затѣмъ вѣѣжала Дальская съ жуткимъ, дикимъ крикомъ, никогда не будившимъ этой трагической фигуры. Съ сбитыми волосами, съ безумными глазами, съ поднятой окровавленной рукой, съ которой стекали капли густой крови. Она вѣѣжала ко мнѣ и судорожно схватали меня за грудь окровавленной рукой, и безуміемъ ужаса горѣли глаза. Одинъ моментъ, я думала, она хочетъ душить меня въ припадкѣ безумія, такъ какъ наши напряженіе враждебны отношенія подопли къ этому времени къ степени крайнаго возбужденія. Но она хранило прощаніе:

— Спасите его, онъ еще дышитъ.

Она шаталась и какъ-бы задыхалась. Къ этому времени собралась толпа на лѣстницѣ, кругомъ смыкались восклицанія, комментаріи, вопросы,—я отвѣтила Дальскую въ номеръ рядомъ, гдѣ лежала Бартеневъ, вѣѣла помѣтъ воды, обмыть кровавую руку, видѣ которой пугалъ ее. Отвѣченіе ея продолжалось, и она не могла говорить нѣсколько минутъ и мало соображала окружавшее.

Я хотѣла вѣѣжать къ Бартеневу, но она цѣѣлялась за меня и не отпускала. Около нея стоялъ старшій сынъ, онъ тяжело и хрипло дышалъ и ласково успокаивалъ мать. Я спросила ее:

— Магдалина Викторовна, какъ могло это случиться?

Она перевела глаза на рядомъ стоящую актрису, ея бывшую приятельницу по кутежамъ, и сказала:

— Катя, это ты виновата, ты доносила все Орликому. Я упрекала Сашу, что онъ всегда не во время попадается на моемъ пути, мнѣ нечѣмъ теперь заплатить труши и... и онъ застрѣлился.

Признаюсь, я какъ-то облегченѣо вдохнула отъ ея признанія. Меня душило это кровавое пятно убийцы, которое она оставила на моей груди... Я до сихъ поръ глу-

боко убѣждена, что Бартеневъ застрѣлился самъ, но Дальская его довела до этого и даже толкнула на самоубійство въ послѣдній моментъ. Но все же картина этой трагедіи сложилась при очень загадочныхъ обстоятельствахъ, и слѣдствіе, которое велиось на моихъ глазахъ, заставило колебаться даже меня, первую выслушавшую признаніе Дальской. Въ то время, когда обмывали окровавленную руку Дальской, вспомѣ приставъ и спросилъ, гдѣ револьверъ? Дальская отвѣтила слабымъ голосомъ:

— Должно быть, тамъ.

Приставъ сказалъ:

— Тамъ не нашли.

Тогда сынъ ея, послѣ нѣкоторой паузы, вынулъ револьверъ изъ кармана и сказалъ:

— Вотъ револьверъ и пять пуль, шестая застрѣла въ стѣнѣ.

Я спросила Дальскую, какъ она могла допустить Бартеневу взять револьверъ.

— Алеша, какъ вы не помѣшили ему?

Дальская послѣднѣо отвѣтила:

— Алеша читалъ и ничего не видѣлъ.

Затѣмъ она начала разсказывать, какъ произошла вся эта история. Орликъ прѣѣхалъ неожиданно, наканунѣ того дня, въ который общество привезти деньги для расплаты съ труппой, и засталъ у нея Бартеневу и поэтому отказался дать деньги Дальской для труппы.

Затѣмъ у него съ Дальской начались пререканія изъ-за Бартеневы, и онъ началъ издѣваться надъ Дальской и сказалъ ей, что если ей нужны деньги, то пусть она придетъ къ нему въ номеръ, —ушѣль. Дальская взяла револьверъ Бартеневы, который отняла у него раньше въ одну изъ такихъ минутъ, когда онъ угрожалъ застрѣлиться,—послала сына за Орликомъ, падѣла накидку, чтобы держать револьверъ скрытымъ, и сѣла въ кресло. Когда Орликъ вошелъ, у нихъ произошло горячее объясненіе; онъ безвредно погибшаго Бартеневу, яснаго, одаренного юношу съ прекраснымъ будущимъ. Загублена молодая душа, много любившая, безъ мѣры прощавшая.

Передъ отѣзломъ во Владивостокъ въ турнѣ съ незабытымъ В. П. Далматовомъ я поѣхала въ тюрьму навѣстить Дальскую. Ее привели подъ конвоемъ въ контру надзирателя. Дальская была въ локонахъ, съ легкимъ гримомъ на лицѣ, шутила и смѣялась съ сыновьями, жаловалась на свое заключеніе, говорила о томъ, что она роковая женщина и подъ конецъ искренно и горько разрыдалась надъ своей судьбой и просила хлопотать за нее въ Владивостокѣ, чтобы кто-нибудь изъ бывшихъ друзей взялъ ее на поруки. По ходу слѣдствія залогъ за нея увеличивался и достигъ 10,000 рублей. Достать такія деньги было труд-

но, бывшіе друзья и поклонники и родные не отзывались на телеграммы и запросы и на личные переговоры отвѣчали отказомъ.

Во Владивостокѣ я получила телеграмму, что Дальскую взяли на поруки. Устроилъ это дѣло тотъ, кого она никогда не дарила своей любовью, кто видѣлъ въ ней несчастную, погибающую душу, ярко одаренную и мятущуюся. Когда я лѣтомъ послѣ поѣздки съ Далматовымъ встрѣтила Дальскую—она была эффектно одѣта, очень похудѣла, лихорадочный блескъ горѣла въ ея глазахъ, и она какъ-то перво и судорожно смѣялась и шутила съ окружающими. Затѣмъ она выступала въ труппѣ Долина, преимущественно въ пьесахъ уголовнаго характера, какъ „Г-жа X.“, „Убийство въ гостинице Бристоль“ и т. д. Въ это время ее поддерживали ея бывшіе поклонники, подносили ей деньги во время спектаклей. Но 400, 500 руб. быстро таили въ рукахъ женщины, швырявшей баснословныя суммы. Въ послѣдній разъ я видѣла Дальскую въ сентябрѣ, передъ своимъ отѣзломъ въ Харбинъ. Она лежала въ постели очень эффектная съ распущенными волосами, томная и блѣдная, кашляла, говорила, что доктора открыли у нея чахотку. Говорила это спокойно. Я не придавала значения ея словамъ, потому, что знала ея страсть къ рисовкамъ и поэзіи. Тѣмъ болѣе, что она просила меня оказать ей одну очень существенную услугу, и ея большой видъ могъ способствовать успѣху дѣла. За мою услугу она отдала мнѣ письма одного лица, которыя не должны были фигурировать на судѣ. И благодаря своему необузданному, беззаборному и задорному характеру она оттолкнула отъ себя послѣднія чловѣка, который такъ много для нея сдѣлалъ и поддерживалъ ее до этого времени. Я была безъ силы исправить ея дѣло, но знала, что это лицо поддерживало ее до послѣдній минуты. Когда яѣхала въ Москву недѣлю тому назадъ въ экспрѣсѣ въ вагонѣ-салонѣ, послѣ Читы вошелъ одинъ изъ крупныхъ подрядчиковъ, и когда ярый поклонникъ Дальской.

На мой вопросъ,—какъ Дальская?

Она отвѣтила равнодушно:

— Лежитъ въ больницѣ—умираетъ.

— Правда ли, что она такъ нуждается?—спросила я.

Она отвѣтила,—мы все поддерживаемъ все время.

И вотъ поставленъ крестъ надъ именемъ Магдалины Дальской. Да будетъ миръ тебѣ, мятущаяся, ярко одаренная, несчастная душа!..

Ольга Орликъ.